

МИЛАНА
ШТОРМ

ШУТНИК И ФЕЙРИ

RUGRAM

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)
Ш92

Шторм, М.

Ш92 Шутник и Фейри / М. Шторм, — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2025. — 454 с.

Когда-то он встретил ее в яме смертников. Она спасла ему жизнь, перевернув ее навсегда.

Она - исчадие Геенны. Он - крылатый. Они абсолютно несовместимы. Они совершенно неразлучаемы. Но кто играет ими, словно шахматными фигурками? И почему странное существо, называющее себя Светом и Тьмой, утверждает, будто они не отражаются в зеркалах?

Им предстоит многое: влезть в долги и сразиться с химерами, спасти ангела и предотвратить войну фейри, раскрыть тайну зеркальных миров и узнать ответы на все свои вопросы.

BIC FM
BISAC FIC009000

ISBN 978-5-517-12517-0

© Милана Шторм, текст, 2025
© Мэл Кайли, обложка, 2025
© RUGRAM, оформление, 2025
© Т8 Издательские технологии, 2025

ИСТОРИЯ ПЕРВАЯ. УЛЫБКА АЛЬБИНОСА

К.

Пахнет сыростью, плесенью, давно немывыми телами и застарелой мочой. Он слышит кашель, натужный и сухой, как Великая Пустыня.

— Мы все сдохнем здесь, — сипит тот, кто кашлял.
— И не доживем до казни... хе-хе, какая досада!

Касси открывает глаза и мучительно пытается сфокусировать взгляд на том, кто говорит. Получается плохо: глаза затянuty пеленой гноя — в этом сыром затхлом воздухе он словил какую-то болезнь на второй день пребывания, — и он может разглядеть лишь чей-то размытый силуэт. Кажется, это орк. Или тролль, он всегда плохо различал эти две расы между собой. Красноватая кожа, волосы ярко-желтого цвета, это ведь тролль, да? Впрочем, это не важно. Совсем не важно. Касси пытается открыть рот, чтобы выразить полнейшее согласие с троллеорком, но, слишком сильно вдохнув смрад этого места, обнаруживает себя выблевывающим завтрак (если то зеленое нечто, которое здесь подавали, могло считаться завтраком) себе на колени.

«Штаны испортил...» — отрешенно думает он. Но ему все равно.

Ему все равно умирать.

Жаль, что он так глупо попался. Жаль, что не успел ступить на святую землю, чтобы очиститься и получить

шанс попасть в Парадиз. Теперь этот шанс упущен. Он — вор, попавшийся на горячем. Грешник, которому светит прямая дорога в Геенну. О, да, он будет весьма лакомым кусочком! Пожалуй, за право сожрать его душу будет устроено настоящее состязание. Еще бы: душа крылатого в Геенне!

Чья-то сильная и грубая рука хватает его за шкурку и придает вертикальное положение. Носки его когда-то безупречно вычищенных ботинок чиркают по каменному полу, а горло сдавливает воротник кожаной туники — единственное, что осталось с лучших времен.

Лучших ли?

Касси, не замечая боли, торжествующе улыбается. Пусть. Пусть он продал душу Падшему, но зато хотя бы десять лет он был свободен!

— Светлый, кажись, свихнулся, — заявляет тот же сиплый голос.

Его встряхивают, голова безвольно мотается из стороны в сторону, но ему все равно. Со штанов капает рвота, дышать становится все трудней, а заплывшие глаза отказываются смотреть на этот мир.

Пусть. Он достаточно пожил. Пусть. Пусть он сдохнет в этой зловонной дыре в окружении воров, убийц и насильников, но он ни о чем не жалеет.

Интересно, а душе больно, когда ее рвут на части? Говорят, у высших демонов — главных обитателей Геенны, — даже какие-то разновидности есть. Интересно, какой из них достанется его душа?

Впрочем, он скоро об этом узнает. Достаточно просто ничего не делать. Дождаться, когда кожа воротника перетянет яремную вену. Не пытаться дышать. А лучше задержать дыхание и...

Резкая оплеуха заставляет его голову мотнуться так сильно, что он чувствует, как хрустит его шея. Сломалась? Нет. Он все еще чувствует себя живым.

— Приятель, не дури! — этот голос звучит мелодично, и Касси внезапно вспоминает, как выглядит его обладатель. Темный эльф. Раскосые черные глаза, прямые черные волосы и шрам, начинающийся под левым глазом и кончающийся над правым уголком губ. Все они здесь темные. Все. Кроме него.

Касси продолжает безумно улыбаться, и его отпускают. Он падает на каменный пол, больно отбив колени, утыкается носом в грязную миску одного из сокамерников, и его снова рвет. Прямо в нее.

— Да он же болен! — третий голос. Кто это? Кажется, сатир. Или вервольф? Кто из них?

— Может, у него лихорадка?

— Потрогай...

— Сам трогай! Я к этому дурику не подойду! Смотри, как смачно блюет!

Касси становится совсем смешно. Они все сидят в каменной клетке для смертников, какой смысл бояться какой-то заразы?

Кашель, рвотные порывы и смех пытаются вырваться из его горла одновременно, но застревают где-то на выдохе. Он издает какой-то жуткий звук: то ли хрип, то ли стон, то ли еще что. Он скорее чувствует, чем видит, как вокруг него образовывается свободное пространство.

Идиоты. Завтра все равно умирать.

Касси смеется. Пространство вокруг него стремительно расширяется. Он подгибает колени под себя и утыкается лбом в каменный пол. Кружится голова. Может, он действительно болен? Тем лучше. Быстрее сдохнет. Может быть, даже до казни. Смех не утихает, и Касси чувствует, как по его лицу текут слезы.

Душа за свободу. Многие продавались и за меньшее. За деньги. За красоту и привлекательность. За месть. Он же выбрал свободу. Стоила ли эта свобода его души?

Его сокамерники молчат. В установившейся тишине слышатся лишь короткие всхлипы все еще смеющегося Касси.

— Парень, ты это... заканчивай давай, — он слышит сиплый голос троллеорка. — Истерика у тебя получилась забавная, мне даже понравилось, но...

— Оставь его, Скрип, — этот голос Касси незнаком. И он женский. Здесь что, есть женщины?

Слышится негромкий перестук мягких каблучков, и рядом с ним опускается смутная фигура в темном плаще. Касси поднимает глаза, пытаясь разглядеть обладательницу голоса. Как ни странно, ему это удастся, и он с удивлением рассматривает ту, что решилась к нему подойти. Фигура скрыта под плащом, но впалые щеки говорят о том, что она, скорее всего, болезненно худая. Ее ярко-зеленые глаза горят озорным огнем, а губы...

Что с ее губами?

Девушка будто пытается улыбнуться, но у нее не получается. Она словно не умеет этого делать. Ее губы изгибаются, складываясь в нелепый бантик или кривясь на одну сторону. Они выпячиваются, сжимаются, но не могут растянуться в простом движении.

Касси часто моргает. Что-то в ней такое есть... неправильное, и дело не в улыбке. Идеальный разрез глаз. Идеальные золотые волосы, ухоженные, несмотря на то, где они сейчас оба находятся. Идеальный прямой нос. Эта девушка выглядит искусственно, будто она кукла. Кукла, от которой Касси не может отвести глаз.

Девушка тоже во все глаза смотрит на Касси. Долго смотрит, как будто изучает его. А потом, наклонившись к нему, она шепчет:

— Хочешь жить?

Касси зачарованно смотрит на ее рот: нижняя губа оттопырилась до предела, верхняя, наоборот, поджата. Создается впечатление, что она просто строит ему рожи.

Хочет ли он жить? Конечно! Чем позже он умрет, тем больше у него шансов посетить святую землю перед смертью и смыть грехи!

Он быстро кивает в знак согласия.

— Хорошо, — губы «куколки» перестают кривиться. Она принимает серьезный вид. — Я могу вытащить тебя отсюда. При условии, что ты кое-что сделаешь для меня, когда мы выберемся.

— Что? — выдыхает Касси. Он готов сделать все, что угодно.

Рот «куколки» вновь начинает плавать.

— Научи меня улыбаться, как ты! — говорит она.

Λ.

Когда стражники приволокли этого чудака в камеру, я выиграла у Мясника двадцать пятую партию в «дурака», оставив его без трусов. Огромный верзила-тролль как раз начинал их снимать под свист и улюлюканье товарищей по несчастью, а его красная кожа заливалась бледно-синим румянцем. Я пыталась держать лицо. В смысле, старалась не улыбнуться, ибо то, что у меня выходило вместо улыбки, ввергало окружающих в тихий ужас. А иногда и не тихий. За те два дня, что я находилась здесь, я заработала себе репутацию слегка полоумной (как всегда, впрочем), а принадлежность к Гильдии Убийц, которую скрывать я и не собиралась, делала свое дело: строившую страшные рожи девушку-ассасина старались, по возможности, не тревожить.

Печальная Лиззи, именно под таким именем меня знали в этом городе. Нет, не так. В этом Городе. А начальник тюрьмы называл меня не иначе как «кормилица моя», ибо в целях тренировки самодисциплины я посещала ямы смертников регулярно: примерно раз в два-три месяца. И каждый раз отсыпала этому жлобу немалую сумму. Впрочем, в накладе я еще ни разу не оставалась, легко

отыгрывая потраченное здесь: близость смерти многих заставляло отдавать последнее, лишь бы занять себя еще одной партией в «дурака» или «пьяницу». Иногда играли в «глупую овцу», но почему-то не слишком охотно.

Кстати, трусы я Мяснику отдала почти сразу, а вот его куртка из лосиной кожи с заклепками из лунного серебра и плетеный ремень уйдут на черном рынке на ура. И за хорошую цену. Штаны были какие-то драные, поэтому, подумав, их я тоже отдала. Пускай мужик порадует. Напоследок.

Появление светлого испортило невероятное шоу, которое устроил Мясник, стягивая исподнее. Ммм... тролль, танцующий стриптиз, это нечто, честное слово! Но крылатый, попавший в камеру смертников, сразу перетянул на себя все внимание... Надо же, уже лет десять посещаю ямы, а такое увидела впервые! Этот, наверное, совсем идиот. У него же крылья! Улететь не мог, что ли?

Приглядевшись, я поняла, что крылатый — мой клиент. Уныние, исходившее от него, можно было потрогать руками. Я, забывшись, улыбнулась, а Мясник, увидев это, шарахнулся, запутался в своих портках и с грохотом свалился на пол. Представление однозначно удалось.

Краем глаза наблюдая, как румянец тролля становится совсем уж синим, я смотрела на вновь прибывшего. Парень был фейри, и, судя по всему, давно не посещал родные леса. Прозрачные (*призрачные, Лиззи, призрачные!*) крылья безвольно обвисли и потускнели, хотя обычно у представителей этой расы они сверкали будто обсыпанные мелкой бриллиантовой крошкой. Когда стражники отпустили его, он глухо застонал и забился в угол, стараясь не смотреть на окружающих его существ. Это меня более чем устраивало. Его уныние невероятно меня возбуждало, доставляя почти чувственное удовольствие, и мне пришлось закрыть лицо капюшоном плаща, чтобы никто не заметил моего восторга.

О, да... да, дорогой... пожалей себя еще раз, давай! Мир — дерьмо, давай, подумай об этом!

Я опустила голову, полностью скрываясь. Уныние этого светлого было настолько осязаемым, что я не могла понять, почему остальные не слизывают его со своих лиц, рож и морд? Но остальные все-таки были коренными жителями подлунного мира, в отличие от меня, поэтому они не чувствовали, как эфир вокруг нас густеет от одного из самых лакомых грехов. Особенно для такой, как я. Я сдерживалась изо всех сил, чтобы не начать мерцать, пожирая то, что висело в воздухе. Впервые за мою долгую практику тренировок мне попался по-настоящему трудный клиент. Впервые за много лет я не могла совладать с желанием уйти в эфир. Почти не могла.

Это пугало.

Как бы это ни было трудно, но я сдержалась, а примерно через час светленький перестал соблазнять меня своим унынием и, свернувшись калачиком, задремал. Я восхитилась его самообладанием: крылатый среди темных, все-таки, вдруг кто-нибудь захочет набить ему морду? Но фейри чихать хотел на желания сокамерников. Он спал, сопя в две дырочки.

Впрочем, расовые предрассудки в камере смертников были не в чести, я давно это заметила. Накануне отправки к Падшему все вдруг резко вспоминали о наличии у них такой, бесполезной на первый взгляд, вещи, как душа, и старались вести себя прилично, если не по-доброму. Надеялись, что это им зачтется. Поэтому, по сути, ничего светлому и не грозило. Наверное...

До самого вечера я играла в «пьяницу» с Библем — темным эльфом, загремевшим сюда по каким-то политическим причинам. Я особо не интересовалась. Зачем? Вот раздеть его — да, это я могла, особенно мне приглянулись запонки на его серой рубашке, которые он держал до по-

следнего, надеясь отыгаться. Расставшись с запонками, играть на портки отказался, мотивируя это тем, что представитель древнейшей расы, разгуливающий без трусов — это нонсенс. Мне так и хотелось напомнить ему, что светлые эльфы подревнее будут, мне очень хотелось размяться в хорошей драке (вот именно этим человеческое тело меня раздражало больше всего: оно затекало от долгого бездействия и становилось дряблым без регулярных тренировок), но я сдержалась. Завтра побегаю... точнее, послезавтра, когда окружающие меня люди и нелюди отправятся на плаху.

Но на следующий день случилось то, что перевернуло все мои планы с ног на голову. И всю дальнейшую жизнь. Навсегда.

Все началось с кашля Скрипа. Этот тролль попал сюда за то, что распространял Дыхание Гор — курительную смесь, дурманящую разум и вызывающую мгновенное привыкание. Сам он эту дрянь не курил, зато курил табак. Много. Очень много. Даже спустя три дня его вынужденного воздержания от своей пагубной привычки, от него жутко разило табаком, заставляя мое тело чихать и держаться от наркоторговца подальше.

— Мы все сдохнем здесь, — просипел он с натугой. — И не доживем до казни... хе-хе, какая досада!

Крылатый, который с момента своего появления здесь не проронил ни слова (только сопел и храпел во сне, ночью так вообще его рулады были, пожалуй, самыми громкими), зашевелился. Он поднял голову, открыл рот и... порадовал нас всех, похвалившись содержимым своего желудка, доказав, что даже после трех часов усиленного переваривания зеленая дрянь, которой здесь пичкают смертников, все еще остается зеленой.

Ух ты! Я с интересом придвинулась чуть ближе, с досадой отметив: во всем, что касается этого светлого,